

VR: У нас в гостях *Андре Шик* – ведущий венгерский социолог, один из самых оригинальных восточно-европейских исследователей, организатор крупнейшего венгерского панельного обследования домохозяйств, проводимого в 1990-е гг. В 2000 г. Андре выступал на международной конференции «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия» в Москве, а в 2002 г. – в ГУ–ВШЭ на семинаре в рамках нашей серии «Социология рынков». Немного грустное интервью наводит на мысли о непростых судьбах исследований в разных странах.

Андре Шик [Endre Sik]. 8 июля 2002 г. Брисбан, Австралия¹.

Впервые мы встретились в начале 1990-х гг. в круглой башне исследовательского центра Университета Эссекса в Великобритании. Там Андре изучал опыт проведения британского панельного исследования домашних хозяйств, чтобы вскоре запустить подобное исследование в Венгрии. А интервью было записано много лет спустя на другом конце земного шара – в далекой Австралии. Мы сидели в небольшом кафе на верхней «палубе» Конгресс-Центра. А внизу шумел Всемирный Конгресс социологов.

– Вы, без сомнения, один из ведущих экономсоциологов Восточной Европы. И полагаю, Вы считаете себя экономсоциологом. Как это началось? Когда Вы поняли: то, чем я занимаюсь, – это экономическая социология?

– Я принадлежу к числу людей, у которых не одна, а несколько идентичностей. Так что Вы ставите вопрос совершенно правильно. Мне потребовались определенные силы и время, чтобы понять, какая же из моих идентичностей – главная. К тому же время от времени они менялись. Наверное, это просто был некоторый органичный процесс, в результате которого я пришел к выводу, что то, чем я занимаюсь, – это экономическая социология. Это был вывод инструментального характера. По образованию я сельскохозяйственный инженер – т.е. не имею ничего общего с экономической социологией. И в университете я совершенно не занимался экономической теорией. Моя докторская [PhD] диссертация (правда, она была написана позднее) посвящена исследованию сетей или взаимопомощи между домохозяйствами. Я просто следовал здравому смыслу, обращая внимание на эти сети и их роль для домохозяйств, на то, как они позволяли увеличить их трудовой потенциал. Теперь я читаю курс об этом, он представляет собой разновидность экономики труда [labor economics].

Затем, почти случайно, мои интересы коснулись и других аспектов экономической социологии – исследований безработицы и гибкости рынка труда, домашнего труда (в связи с принятием решений по поводу взаимоотношений домохозяйства с рынком труда), а также сетевого анализа и социального капитала. Мне кажется, что последний – тоже ресурс, правда, не такой традиционный, как те, что изучает экономическая теория.

Еще одно интересующее меня направление – исследования миграции. И это тоже часть экономической социологии, поскольку я занимаюсь изучением финансовой политики и политики на рынке труда, которые определяют поведение на рынке труда. В целом, куда бы я ни отходил от своих первоначальных интересов, оказывалось, что это экономическая социология.

¹ Перевод М.С. Добряковой.

– Все мы знаем, насколько важны слова сами по себе. Когда произошло признание Вами экономической социологии как таковой, когда появилось имя – «экономическая социология»?

– Это результат или побочный продукт различных семинаров и конференций, которые я в то время посещал.

– Разные люди рассказывали мне сходную историю: «Я занимался этим много лет. Потом прочел какую-то работу – скажем, Ричарда Сведберга – и понял, что, да, это экономическая социология».

– Абсолютно правильный пример. Когда-то я писал свою первую диссертацию... Не знаю, помните ли Вы Ульфа Химмельштрадта [Ulf Himmelstradt]. Он тогда был ведущей фигурой в шведской экономической социологии. Ричард Сведберг тоже был связан с этим проектом. Так вот, когда я описал тему моей диссертации, он отнес ее к разделу «Экономическая социология» в первом из трех томов «Современной социологии». И мне было лестно, что меня отнесли к экономсоциологам. Вы правы, мою работу действительно совершенно случайно отнесли к экономической социологии. Позднее это получило более институционализированную форму. Я тогда стал уже достаточно зрелым исследователем, вошел в комитет Международной социологической ассоциации и стал более формально заниматься этим на публичном уровне. Я тогда просмотрел состав различных исследовательских групп и решил присоединиться не к группе по социологии труда [sociology of work], а к группе по экономической социологии, потому что социология труда была в то время чересчур идеологизирована – в отличие от экономической социологии.

И – опять-таки совершенно случайно – я обратился к исследованию неформальной экономики. В 1970-е гг. ею интересовались Иван Селеньи [Ivan Szelenyi] и Рей Пал [Ray Pahl], и эта область исследований тоже была отнесена к экономической социологии. Да, с моей стороны это был осмысленный шаг.

– Как Вы считаете, каковы сейчас основные методологические и теоретические подходы в рамках экономической социологии?

– Во-первых, определенно – структуралистская социология. Парадигма социального капитала важна и сама по себе, и в силу того, что позволяет решить проблему связи между макро- и микроуровнями анализа. А это важно, если изучаемый нами актор – не индивид и не общество.

– Вы говорите о мезоуровне?

– Да, это мезоуровень. Есть серия книг под редакцией Берковица и Велмана [Berkowitz & Wellman]², которая была классифицирована как структурная социологическая теория [structural sociological theory].

Во-вторых, мне кажется очень полезной теория зависимости от первоначально избранного пути [path dependency] – она придает проблемам динамический элемент. Мне кажется, она особенно полезна для исследования стабильных или медленно изменяющихся элементов общества, которые пока изучены и объяснены недостаточно в силу массового распространения транзитологии в данном регионе. А теория зависимости от первоначально избранного пути

² Wellman, Barry and S.D. Berkowitz (eds.) *Social Structures: A Network Approach*. Cambridge [Cambridgeshire], N.Y.: Cambridge University Press, 1988; Norwood, NJ: Ablex Pub., 1996; Greenwich, Conn.: JAI Press, 1997.

позволяет увидеть проблему в реальной исторической перспективе (а не той упрощенной версии, которую используют Дэвид Старк³ и другие).

– То есть, получается, сетевой подход и теория зависимости от первоначально выбранного пути, взятая в историческом ракурсе.

– Обе работают на мезоуровне. Первая – структуралистская, вторая – историческая. И обе они в определенном смысле институциональны. Я бы сказал, обе являются частью институциональной социологии.

– До сих пор Вы говорили о Ваших собственных интересах в рамках экономической социологии. А каковы, на Ваш взгляд, основные направления современной венгерской экономической социологии, какие подходы пользуются наибольшим методологическим и теоретическим влиянием?

– Новый институционализм в его различных ипостасях. Что еще? Плодотворно развивается структуралистская социология, особенно в исследовании индустриальных районов [industrial districts] и социального капитала как формы некоммерческого сектора. Я думаю, в Венгрии также развиваются традиционная экономика труда, ведется социологическое исследование проблем, скрытых в стратегиях хозяйственной жизни и домашнего производства [domestic production].

– А есть ли четкая грань между экономикой труда [labor economics] и социологией труда [sociology of work]?

– Социология труда очень... Она никуда не ведет. А экономика труда хорошо развита в Венгрии. Мне кажется, это неравновесные направления.

– Вы имеете в виду экономику труда в неоклассическом понимании?

– Нет, не в обычном неоклассическом понимании. Она открыта и для модификаций институционального характера. Это не только экономическая теория. У нас – молодых политологов и социологов – были неплохие шансы найти что-то интересное в социологии и политике.

– Если взять последние, скажем, три-четыре года, какие книги или статьи показались Вам наиболее интересными, важными, может быть, что-то натолкнуло на какие-то новые мысли? Речь идет не о классике, а о последних работах.

– Есть, например, очень хороший сборник под редакцией Р. Пала [R. Pahl].

– Вы имеете в виду «О труде»? Но это была середина 1980-х гг., т.е. более пятнадцати лет назад⁴.

³ См., например: Stark, D. Ambiguous assets for uncertain environments: Heterarchy in Post-Socialist Firms // [Экономическая социология. Том 1. № 2. 2000](#), а также перевод статьи: *Старк Д. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах* // [Экономическая социология. Том 2. № 2. 2001](#); или в кн: Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Под ред. В.В. Радаева. М.: РОССПЭН, 2002. С. 47–95.

⁴ Pahl, R. (ed.) *On Work*. Oxford: Basic Blackwell, 1988.

– Да, Вы правы. Но в любом случае это очень хороший сборник. А из других работ – «Рынки и иерархии» Уильямсона⁵, «Социальный капитал» Нэн Лин [Nan Lin]⁶.

– Да, она вышла недавно.

– Опять же, книга о подпольной экономике [underground economy] под редакцией Эдварда Фейджа [Edward Feige]⁷.

– Это которая вместе с Катариной Отт?

– Нет, это новая. А первое издание появилось в начале 1990-х гг. Еще... Я не могу так сразу сказать, мне надо подумать.

– Да, это один из наиболее трудных вопросов.

– А, еще «Хрестоматия по экономической социологии» [Handbook of Economic Sociology]⁸.

– Под редакцией Смелсера и Сведберга?

– Да. Это ключевая вещь. И мне она действительно понравилась. В ней много нового. Затем работа по структуристской социологии Берковица и Велмана – я уже упоминал ее. И «Структурные пустоты» Рональда Бёрта⁹.

– Да, но опять же это начало 1990-х гг. Теперь она уже стала классикой. А если взять самые свежие работы? Я знаю, что это непростой вопрос. И почти все называют разные имена и разные книги.

– Вот, есть еще новая книга о социальном капитале, изданная Всемирным банком. Авторы – Шерагелдин и Дасгупта¹⁰. Это новая, чрезвычайно интересная работа.

– А было ли что-то среди недавно опубликованных работ, что удивило Вас или привлекло внимание, показалось неожиданным? Может быть, что-то выходило в Венгрии?

– О, много всего. Но мне трудно сейчас сказать.

– Вопрос по поводу будущего. Какие области исследований и какие методологические направления экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными? Что бы Вы порекомендовали Вашим аспирантам?

⁵ Williamson, Oliver. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. N.Y.: The Free Press, 1975.

⁶ Lin, N. *Social Capital: A Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

⁷ Feige, E.L. (ed.) *The Underground Economies: Tax Evasion and Information Distortion*. Cambridge [England], N.Y.: Cambridge University Press, 1989; Feige, E.L.: *Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach*, *World Development* (1990). Vol. 18. No. 7. 1990. С. 989–1002.

⁸ Smelser, N., Swedberg, R. (eds.) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

⁹ Burt R.S. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.

¹⁰ Dasgupta, P. and Serageldin, I. (eds.) *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. Washington, DC: World Bank, 2000.

– Во-первых, исследования миграции. В начавшемся столетии это будет весьма актуальной проблемой. Миграция в контексте глобализации, в контексте новых технологий, в контексте стратегической политики [policy format]. Появляются новые международные агенты, и это прекрасный пример для анализа хозяйственного поведения. Ведь в процессе миграции акторы меняют абсолютно все. Например, возникает такой вопрос: от чего зависит успех мигранта? Или вопрос социального и политического характера: что более вероятно – ассимиляция или интеграция мигрантов? На все эти вопросы еще предстоит ответить.

[Во-вторых], это правда, что домашнее производство как форма хозяйства отстывает в прошлое. Соответственно, встает вопрос о том, какие новые формы производственных систем будут развиваться. И именно по этой причине в качестве единицы анализа избирается фирма.

Важны также исследования деформализации [informalization] и различных форм увеличения гибкости [flexibilization]. Речь идет не просто об увеличении гибкости труда, но и об увеличении гибкости труда в домашнем хозяйстве и на рынке труда. Интересны вопросы глобализации капитала, индустриальных районов, сокращения размеров производства, модификации системы привлечения внешних ресурсов [outsourcing], интересна культура этих новых форм. Это требует согласованных международных исследований.

– *А неформальная экономика? Насколько я помню, это одна из Ваших основных тем?*

– Да, я уже говорил о деформализации. Мне кажется, что та классическая неформальная экономика, что возникла в зазоре между формальной и неформальной экономикой в развивающихся странах, долго не просуществует. Зазор уменьшается, ножницы скоро сомкнутся. Но в западных странах возникли новые неформальные образования – по мере того, как они экспериментируют в процессе поиска новых решений. Так что мне кажется, в условиях всемирных изменений такой дуалистический подход к делению на формальную и неформальную экономики долго не продержится. Возникают новые формы права и общества, они переплетаются, делятся на множество сегментов. С институциональной точки зрения они хрупки и непостоянны, с ними труднее управляться. Однако их исследование оказывается более полезным, нежели прежние исследования неформальной экономики.

– *Вопрос на несколько другую тему, которая должна быть интересна российским экономсоциологам. Не могли бы Вы вкратце рассказать о венгерском панельном исследовании домохозяйств?*

– Разумеется. Панель начали два выдающихся венгерских социолога – Рудольф Андорка [Rudolf Andorka] и Тамаш Колоши [Tamaš Kološi]. Они были достаточно влиятельны даже при коммунизме (точнее, это был не коммунизм, а социализм). Я работал с Колоши в Институте социальных наук Центрального Комитета Венгерской Коммунистической рабочей партии. Тогда мы провели первое исследование домохозяйств. Это еще не была лонгитюдная панель, но именно тогда, в 1986 г. мы провели сплошной опрос членов вошедших в выборку домохозяйств. Тогда мы разработали базовый вопросник, в котором затронули все основные проблемы. Затем в лонгитюдном исследовании домохозяйств эти вопросы были использованы в доработанной форме. Как только мы собрали информацию, был учрежден независимый неправительственный исследовательский фонд – Национальный исследовательский фонд Венгрии [National Research Fund of Hungary]. Р. Андорка стал его председателем (он и Колоши были тогда в очень хороших отношениях).

– *Оба занимались исследованиями стратификации и мобильности.*

– Совершенно верно. Так что им удалось собрать огромную сумму денег, которой хватило на то, чтобы начать исследование и провести первые три волны. И в соответствии со стандартами панельных исследований этого достаточно, чтобы начать проект.

– *Когда оно было начато?*

– Первая волна прошла в 1992 г. Затем было еще шесть волн. Последняя была проведена в 1998 г. К тому времени у нас закончились деньги. Первоначально в выборку вошло примерно 2 тыс. домохозяйств (6 тыс. чел.). К 1998 г. она сократилась примерно в два раза, но это нормально. И чтобы двигаться дальше, для сохранения репрезентативности нам приходилось пополнять выборку домохозяйств.

Когда я работал в Институте социальных наук, существовала целая сеть панельных исследований (ее ядро располагалось в Люксембурге). Я провел также несколько месяцев в Колчестере (Эссекский университет, Великобритания) – организационном центре британского панельного исследования домохозяйств [British Household Panel Survey].

– *Да, я помню, мы с Вами встречались в круглом здании этого Центра много лет назад.*

– Совершенно верно. Там я изучил технические детали, необходимые для успешного проведения панельного исследования домохозяйств. Чему-то мы научились и у немцев (тогда – ГДР) – у них тоже была панель. Это определило содержание примерно двух третей вопросников (сюда входит вопросник для домохозяйств и вопросник для индивидов). Содержание оставшейся трети, особенно в первой волне, определялось рынком. Эту треть нам удалось продать.

– *Наподобие омнибусного исследования?*

– Да, примерно. Но это не было настоящим омнибусом, потому что эта треть – лишь малая часть, и удалось продать лишь немного. Наше исследование стоило дороже, чем стандартное омнибусное исследование. Тем не менее, какие-то расходы мы покрыли таким образом. Здесь не было особых стандартов.

– *Получается, что исследование на 100% было профинансировано Национальным исследовательским фондом Венгрии? У вас не было внешних, международных источников финансирования?*

– Нет. За исключением тех нескольких месяцев, что я провел в Колчестере. Они были профинансированы Фондом Ноу-хау [Know-How Fund]. Но это было вложение в человеческий капитал.

– *Интересно. Например, аналогичный российский мониторинг, RLMS, целиком был построен на американские деньги.*

– Нет, у нас ничего подобного не было.

– *А насколько активно полученными данными активно пользовались венгерские и зарубежные исследователи?*

– Активно. Ими пользуются и сейчас. Я помню, что в то время их активно использовал Всемирный банк для своих исследований бедности. Были также запросы и от венгерских исследователей. В какие-то годы (например, с 1993 по 1996 г.) это были единственные доступные нам данные. Обычно мы анализировали данные в ноябре. В январе мы передавали их парламентским комитетам. Их использовали также министерства, работающие с социальными вопросами и вопросами семьи. Сейчас эти данные становятся уже историей, и их используют главным образом аспиранты для своих диссертаций. Теперь больше внимания уделяется техническим деталям. Впрочем, даже сейчас иностранцы обращаются за ними.

– Тогда почему же все остановилось? Как я понял, у вас закончились деньги. А как же поддержка государства, международных организаций?

– Возможно, мы недостаточно умело занимались поисками источников финансирования. Я тогда руководил исследовательским подразделением. Кое-что мне удалось продать, но не особенно много. А потом Андорка умер.

– Да, я знаю.

– А Колоши ушел в бизнес.

– В самом деле?

– Он по-прежнему работает в [TARKI](#), но для получения международной поддержки это уже не играет особой роли. Россия более важна для международного рынка. Венгерская трансформация не так важна. Это маленькая страна.

– Большое спасибо.

Основные публикации Андре Шика

Sik, Endre. Reciprocal Exchange of Labour in Hungary, in: Pahl, R.E. (ed.) *On work. Historical, Comparative & Theoretical Approaches*. Oxford: Blackwell, 1988.

Sik, Endre. From Multicolored to Black and White Economy. *International Journal of Urban and Regional Research* (1994). Vol. 18. No. 4. P. 46–70.

Sik, Endre. Network Capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Societies, *International Contributions to Labour Studies* (1994). No. 4. P. 73–93.

Sik, Endre (with J. Tarjanyi and T. Zavecz). The Sociological Characteristics of Refugees, in: Adelman, Y., E. Sik, and G. Tessenyi (eds.) *The Genesis of a Domestic Regime: The Case of Hungary*. Toronto: Toronto York Lane Press, 1994. P. 25–38.

Sik, Endre. Measuring the Unregistered Economy in Post-Communist Transformation, *EUROSOCIAL Report* (1995). No. 52. Vienna. P. 53.

Fullerton, Maryellen, Endre Sik, and Judit Tóth (eds.) *From Improvisation Toward Awareness? Contemporary Migration Politics in Hungary*. Budapest, 1997.

Sik, Endre, et al. *Hidden Economy in Hungary: Hidden Economy As It Is Seen Through the Households*. Budapest: Hungarian Central Statistical Office, 1998.

Sik, Endre. The Spatial Distribution of Informal Marketplaces and Informal Foreign Traders in Contemporary Hungary, in: Feige, Edgar L. and Katarina Ott (eds.) *Underground Economies in Transition*. Ashgate: Aldershot, 1999. P. 275–306.

Sik, Endre, and Barry Wellman. Network Capital in Capitalist, Communist and Post-Communist Countries: The Case of Hungary, in: Wellman, Barry (ed.) *Networks in the Global Village*. Boulder, CO: Westview, 1999. P. 225–254.

- Sik, Endre, and Claire Wallace. The Development of Open-air Markets in East-Central Europe, *International Journal of Urban and Regional Research* (December 1999). Vol. 23. No. 4. P. 697–714.
- Sik, Endre, and Gerry Remond. Coping strategies in Central European Countries (with Gerry Remond), in: Hutton, Sandra, and Gerry Redmond (eds.) *Poverty in Transition Economies*. L.: Routledge, 2000. P. 266–287.
- Sik, Endre. The Urban Informal Economy in Contemporary Mongolia, Working paper commissioned by UNDP and ILO. 2001.
- Sik, Endre. “Slave Market” on the Moscow Square, in: Neef, Rainer and Manuela Stanculescu (eds.) *The Social Impact of Informal Economies in Eastern Europe*. Ashgate: Aldershot, 2002. P. 231–247.
- [Sik E. Family, Household and Inter-household Network Coping with Economic Crises \[Семья, домохозяйство и сети межхозяйственных отношений в период преодоления экономических кризисов\]. Препринт WP4/2002/02. М.: ГУ ВШЭ, 2002.](#)